

- //Восточно-Сибирская правда от 29.08.2002

<http://www.vsp.ru/2002/08/29/bajkal-v-nasledstvo/>

Байкал - в наследство

- **Автор: Олег БЫКОВ**

В кабинет директора НИИ биологии при Иркутском государственном университете мне довелось заглядывать неоднократно. Правда, визиты эти имели место в доперестроечные времена, когда наука считалась одной из приоритетных отраслей, а занятия научными исследованиями -- делом весьма перспективным и благодарным. Тогдашний директор института, доктор биологических наук **Ольга Михайловна Кожова** охотно встречалась с журналистами, рассказывала о делах увлеченно, даже азартно. Чувствовалось: наследие, принятое ею от отца -- знаменитого ученого профессора Михаила Михайловича Кожова, -- ее жизнь, ее боль и радость.

И вот спустя десять с лишним лет я вновь переступил порог 3-го корпуса ИГУ, под крышей которого находится НИИ биологии. Из крошечной приемной, обставленной добротной, ручной выделки мебелью, попадаю в изысканно обставленный кабинет, где ничего почти не изменилось: те же темные книжные шкафы, тот же профессорский стол посередине комнаты, массивная картина на стене — величественная панорама Байкала. Крепкое пожатие директора НИИ биологии **Любови Измествевой**. Энергичным жестом пригласила располагаться — я же прихожу в себя от неожиданности и удивления: до чего же знакомые черты, тембр голоса, манера говорить. Да, **Любовь Равильевна** чуть ли не копия своей матери Ольги Михайловны Кожовой, а если приглядеться — узнаешь **черты ее деда Михаила Михайловича**.

— Семейственность?

— Если хотите, то да, — моя собеседница грустно улыбнулась и кивнула на пачку сигарет: — Можно закурить? (Узнаю Ольгу Михайловну).

— Конечно!

— После ухода мамы несколько лет назад, когда все кругом рушилось — устои, традиции, институт переживал уже далеко не лучшие времена, перед сотрудниками встал вопрос — как жить дальше, куда плыть? Не знаю, из каких соображений — фаталистических, что ли, но остановились на моей кандидатуре, дескать, корни помогут; или что-то другое сработало, не знаю. Не скажу, что с энтузиазмом восприняла свое избрание. Поразмышляла, поколебалась — и согласилась. Поработаю, думаю, пока не найдется достойный преемник.

— Кому, как не вам, и карты в руки, все-таки фамильная ипостась, гордость, традиции...

— Разумеется, и это тоже. Главной задачей нашего НИИ

— в научном плане — было и остается исследование водных и наземных экосистем Байкала и Прибайкалья, а поскольку институт является структурным подразделением университета, во главу угла выходит и образовательная функция, т.е. подготовка научных кадров. За годы существования института выпущено огромное количество специалистов, ученых, широко известных и в нашей стране, и за рубежом. На биолого-почвенном факультете ИГУ в основном наши питомцы; лучшие кадры педуниверситета, на мой взгляд, также сформированы из бывших аспирантов и сотрудников нашего института.

— Кстати, я знаком с одним из них — профессором Пыжьяновым, заведующим кафедрой экологии.

— Не только! Это и декан естественного факультета Подковыртов, еще два-три сотрудника. А взять Лимнологический институт! Очень многие его сотрудники — бывшие наши аспиранты, успешно защитившиеся в стенах ИГУ. Доктора наук Мамонтова в Институте эпидемиологии и микробиологии, Тимофеева в политехническом университете, да и многие другие прошли научную школу в нашем НИИ. Здесь они встали на ноги, сделали первые шаги в науке, защитили кто кандидатские, кто — докторские диссертации.

— Не обидно, что кадры уходят?

— С одной стороны, это, конечно, печально. С другой — ничего страшного. Мы выполняем свою основную миссию. Те знания, навыки исследовательской работы, которые получены в этих стенах, они передают студентам в академиях, институтах и т.д.

— Любовь Равильевна, знаю, что вам живется не сладко. Наука на грани выживания, если не сказать хуже. А как у вас?

— Так же, как и в стране. Люди уходят, ищут. И это естественно. Кто-то уходит из жизни, кто-то на пенсию, ну а кто-то в поисках лучшей доли уезжает за кордон. Один из наших ведущих ихтиологов, например, Виталий Остроумов, уехал в Канаду, ведущий сотрудник Евгений Зилов отправился подзаработать в Южную Корею. С этим можно смириться, утечка естественная. Плохо то, что

молодые кадры не идут к нам — опять же из-за непрестижности науки. Мы ничем не можем заинтересовать: ни квартиру дать или купить, ни зарплату приличную предложить, скажем, близкую к той, что предлагают коммерческие структуры. Да, это страшно — мы катастрофически стареем, смены по сути нет. И эта потеря — потеря следующего поколения в науке, вот что выбивает из седла. Если мы не сделаем каких-то кардинальных шагов, усилий по привлечению молодежи в науку, страна, общество могут потерять себя.

— Странно и больно слышать такое. Ведь институт-то ваш при ИГУ! Кадры, как говорится, можно печь, как блины.

— Посудите сами. Что у нас получит начинающий сотрудник? Жалкие крохи. И даже если защитится, он будет получать не больше, чем, скажем, лифтер. Конечно, молодежь уходит — жить-то всем хочется. Жаль, что наше правительство не может понять того, что мы рубим сук, на котором сидим. Не припомню ни одного правительственного или президентского вмешательства в ситуацию.

— Вы правы, безусловно. Но, с другой стороны, сколько деклараций...

— Говорильни много. Однако, сколько ни говори о сахаре, во рту сладко не станет. Тем не менее какие-то сдвиги в лучшую сторону есть. В последние два-три года донная муть помаленьку начала оседать, появилась возможность видеть хотя бы ближайшие перспективы. Кроме байкальской тематики, ведутся исследования проблем водной токсикологии, изыскания в области производства удобрений из разных отходов, что крайне важно для решения целого ряда задач и для сельского хозяйства, и для промышленности.

— В бытность расцвета в вашем институте, Любовь Равильевна, насчитывалось более 300 сотрудников. И тем не менее раздавались сетования на дефицит научного потенциала. А какова ситуация сейчас?

— По штатному расписанию нас всех — от директора до вахтера — 47 человек. В том числе тех, кто работает непосредственно с байкальской тематикой, с гидробиологией, около 30 человек.

— ***Но это же не просто снижение потенциала, это крах!***

— Не надо крайних оценок. Уверена, время работает на нас и наши изыскания будут востребованы. Вспомните, раньше мы много и глубоко занимались водохранилищами Ангарского каскада. Работали постоянно действующие экспедиции на Иркутском, Братском, Усть-Илимском водохранилищах. Там остались наши стационары, они ждут своего часа, т.к. проблемы, ради решения которых они были созданы, до сих пор актуальны. Но, что очень даже важно, нам удалось сохранить свои позиции, наши площади, стало быть, исследования продолжаются.

Р Мкр.Современник - скидка до 100000 РУзнать_большесовременник.grandstroy38.ruПроектная декларация на рекламируемом сайте

— ***Любопытно, а как вы, Любовь Равильевна, пришли в науку?***

— Я закончила наш Иркутский университет, хотя, когда была школьницей, мечтала уехать куда-нибудь поступать в более престижный вуз. Но обстоятельства сложились так, что первоначальным планам не суждено было сбыться. Я училась в 10 классе, когда не стало дедушки, Михаила Михайловича. Мама работала в Лимнологическом институте, потом она, правда, переехала в Иркутск, ее попросили возглавить НИИ биологии. Сами понимаете, до меня ли ей было. Меня воспитывала бабушка, которая и попросила не уезжать. Видно, судьба решила по-своему.

— ***Вы, помнится, по образованию, по диплому специалист по физиологии растений. Как же получилось, что вы сменили профиль?***

— Я, действительно, закончила кафедру физиологии растений, всерьез собиралась уйти в академическую науку, в СИФИБР, но опять же — стечение обстоятельств. Получилось так, что после получения диплома пришлось поработать у мамы, здесь, в НИИ биологии. Думала, временно, но работа затянула, увлекла. Да и знания пригодились. К тому же, еще будучи школьницей, побывала в гидробиологической экспедиции, дедушка несколько раз брал с собой. Можно считать, что я вернулась к своей ипостаси. Мне очень нравится полевая работа, водная стихия, атмосфера на исследовательском

судне. Гидробиология — наука, где действует коллектив единомышленников, команда.

— *Вы защитились как гидробиолог?*

— Как давно это было! На докторскую же все никак не могу собраться. Очень много времени ушло на подготовку второго издания книги Михаила Михайловича «Байкал и его жизнь». Труд просто колоссальный — ведь это почти наполовину обновленная книга. Сами печатали, собирали новые сведения, Ольга Михайловна последние пять лет почти полностью посвятила подготовке второго издания. Потом разные печальные обстоятельства, институт, административные хлопоты.

— *Вам удалось сохранить все ваши стационары. В условиях всеобщего развала, полнейшего отсутствия интереса к науке со стороны государства это, вероятно, было нелегко?*

— Это заслуга в первую очередь Ольги Михайловны. Она-то понимала, что, живя, в Москве или даже в Иркутске, исследовать Байкал прямо скажем, затруднительно. Наш форпост на южном побережье озера — биостанция в поселке Большие Коты. В 70-е годы, когда наука была в расцвете, на подъеме, с появлением водохранилищ Ангарского каскада стали возникать биостанции — на Братском, Усть-Илимском водохранилищах. Мы должны были дать ответ, как поведет себя река в условиях зарегулирования, как изменится ее животный и растительный мир, что из себя будут представлять новые водоемы, — первой ласточкой в этом направлении стал стационар в Балаганске. Появились станции в дельте Селенги, на Малом море — с целью орнитологических изысканий, изучения особенностей миграции перелетных птиц, гнездования и т.д. В ту пору мы еще тесно дружили с Монголией. При поддержке тогдашнего ректора ИГУ Николая Фомича Лосева создали научный стационар на озере Хубсугул. Хотя к нынешним временам связи с некогда братской страной сократились до минимума, станция продолжает существовать. Есть надежда, что ситуация когда-нибудь изменится и контакты возобновятся, новое поколение исследователей продолжит наше дело.

— *Насколько мне известно, в свое время институт располагал весьма солидным флотом. Только в Котах насчитывалось*

*3 или 4 катера, не менее двух на Братском водохранилище.
Какова ситуация сейчас?*

— Увы, картина далеко не радужная. Из всей флотилии нам удалось сохранить один лишь катер, средств едва-едва хватает лишь на содержание одной команды, а горючка, поддержание судна в рабочей форме?

Но вот что еще радует. Нам удалось сохранить наблюдения на так называемой точке номер один. **Они были начаты М.М. Кожовым в 1947 году, это самый длинный ряд наблюдений, каких нет, пожалуй, в мире. Пробы на южной акватории Байкала отбираются ежедекадно и зимой, и летом, за исключением периодов ледостава и разрушения ледового покрова.** Собран огромный уникальный материал, на мой взгляд, имеющий очень большую научную ценность. Надеюсь, у будущих исследователей дойдут руки до всего этого богатства...

*— Один из способов выживания науки — система грантов.
Вы, думаю, не исключение.*

— Разумеется. На мой взгляд, эту систему можно обозначить так: не до жиру, быть бы живу. Оформление только одних заявок на гранты отнимает немало сил — и физических, и нравственных. Хотя, говоря откровенно, деньги эти на ахти какие. Каждый исследователь имеет право подать заявку на свой грант, а это вольно или невольно приводит к распылению сил, и мне как директору крайне трудно выстроить единую концепцию, единую научную программу. Конечно, это не тот случай, что в басне о лебеде, раке и щуке, но практика такова, что приходится с раздроблением мириться.

— А хоздоговорные работы?

— Кое-какие имеются. Раньше эта форма зарабатывания средств широко применялась, крупные предприятия и организации были заинтересованы в сотрудничестве с нами, сейчас картина несколько иная. Тем не менее сохраняются связи, скажем, с Братским лесопромышленным комплексом. Отрабатываем систему мониторинга — исследуем степень влияния сточных вод на обитателей Братского водохранилища. Тема комплексная, в изысканиях заняты экологи, микробиологи, ихтиологи. Привлекаем сотрудников биофака, когда возникает нужда в исследованиях по какой-то узкой теме. Худо-бедно, но эти усилия помогают поддерживать в нормальном состоянии

Байкальскую биостанцию, проводить капитальный ремонт жилых и рабочих помещений, создавать нормальные условия для сотрудников и тех иностранных партнеров, которые приезжают к нам работать. Поделюсь маленькой радостью: в этом году удалось отремонтировать катер, поставить новый двигатель. Надеюсь, что нынче удастся и днище сменить. Удалось получить грант для поддержания нашего музея в Больших Котах, еще один выигранный грант позволит приобрести уникальное оборудование — новый микроскоп, позволяющий делать микрофотосъемки с одновременным выводом результата.

— *Вы упомянули о контактах с иностранными партнерами...*

— Можно говорить о хороших научных и деловых связях с учеными из Германии. Они, кстати, оставили нам очень хороший современный прибор, который позволяет без особых затрат значительно ускорить процесс обработки материала. Хорошие перспективы сулит партнерство с французскими учеными. Под эгидой ЮНЕСКО при университете открылась новая кафедра водных ресурсов, или, как ее называли, «кафедра чистой воды». Руководит ею ректор университета Смирнов. К слову, Александр Ильич как может помогает нам выстоять, не раствориться в трудностях и неурядицах. Думаю, интерес международного сообщества к Байкалу и не только к нему, но и к другим источникам — подземным пресным и минеральным, помощь в развертывании совместной работы позволит оживить научную работу, привлечь талантливых студентов к проблемам гидробиологии, и к байкальской тематике в частности.

Ну и еще один штрих. Разработками института заинтересовались и некоторые американские колледжи. На базе Байкальской биостанции, например, прошли практику 16 девочек из Уэллского женского колледжа. На той же Байкальской биостанции буквально на днях прошла всероссийская эколого-правовая школа, цель которой — дать подпитку будущим правоведам, связанным с решением экологических проблем.

— *В прошлом году вам удалось побывать на съезде гидробиологов в Калининграде. Значит, какие-то внутрироссийские связи еще остались, работают?*

— Да, такой съезд после длительного перерыва состоялся. Но это капля в море. Светлый эпизод. К сожалению, сегодня

такие поездки крайне и крайне редки, нет реальной возможности
бывать друг у друга, обмениваться опытом. Кошелек не
позволяет. Но я все же надеюсь, что наука поднимется,
хотя оснований для оптимизма их как немного. На голом энтузиазме, а в институте
только энтузиасты и остались, далеко не уедешь. И все-таки
я верю, что наш институт возродится, окрепнет, еще немного,
и откроется второе дыхание, вновь в лабораториях зазвонят
молодые голоса.

— *Спасибо за беседу, Любовь Равильевна, и успехов вам!*